

10.5. ЭЛЕКТРОННЫЕ ФИНАНСЫ КАК НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Глухов В.В., к.э.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет;
Останин В.А., д.э.н., проф., Дальневосточный федеральный университет;
Рожков Ю.В., д.э.н., проф., Хабаровская государственная академия экономики и права

В статье показана эволюция понятия «финансы» применительно к современным реалиям. Раскрыты взаимоотношения электронных денег и электронных финансов. Показаны проблемы развития электронной коммерции и электронных расчетов. Сделан вывод, что финансы как экономическая категория находятся под влиянием процессов виртуализации на этапе глубоких эволюционных изменений.

[Перейти на Главное МЕНЮ](#)
[Вернуться к СОДЕРЖАНИЮ](#)

Глобализация и интернационализация отношений, усиление виртуальности экономических взаимосвязей, появление принципиально новых информационно-коммуникационных технологий и ресурсов, явились основанием для интеграции мирового сообщества, ранее разделенного в силу существовавших идеологических причин. Интернационализация национальных экономик усилила мобильность и доступность международных рынков капитала для собственников финансовых ресурсов, вследствие чего большинство государств было вынуждено перестраивать свои финансовые и налоговые системы в целях эффективной конкуренции за получение транснациональных инвестиций в условиях новой мировой финансовой архитектуры.

Фактически возникло новое экономическое пространство с имманентной системой финансовых атрибутов, продуктов и отношений, трансграничным перемещением рынков труда и капитала, финансовыми инновациями, локализацией сфер производства товаров и оказания услуг, в которых создаются и используются соответствующие им виды денежных ресурсов.

Появились и стали обсуждаться проблемы геоэкономики, геофинансов, геоинформации, виртуальных, электронных денег и финансов, различные виды платежных технологий и другие проблемы, вследствие чего возникла потребность в разработке и использовании необходимого понятийного аппарата и научной методологии, применении соответствующих им финансовых и иных инструментов.

Геофинансы (по Ш. Голдфингеру) – это новое финансовое пространство-время, игнорирующее законы географии и национальные границы, представляющие собой синтез мировых денег, информационной технологии и либерализации законодательного регулирования. В структурном плане геофинансы представляют собой глобальную сеть традиционных и виртуальных, дематериализованных (дестафированных) финансовых рынков, функционирующих на них участников, при организующей и ведущей роли интермедиаторов (посредников) [8].

Сегодня геофинансы постепенно оформляются в самостоятельную научную дисциплину, которая объясняет качественно новую природу современных финансов, истоки формирования, поведения мировых трансграничных потоков и имеет свою самостоятельную атрибутику, категоричный и понятийный аппарат [5].

Указанные процессы привели к переосмыслению существовавших теоретических концепций, послужили основой для формирования новых аспектов экономической науки, включая финансовую ветвь, способствовали появлению новых научных школ и направлений.

Все это придает серьезный импульс развитию финансов, включающих в себя новые специфические области экономических знаний о стратегии развития мировой финансовой архитектуры, направленной на исследование интеграции различных государств и конкурентоспособности их национальных экономик, находящихся под воздействием процессов глобализации и интернационализации.

Трансформация ранее используемых научных терминов и понятий обусловила необходимость научного обоснования трактовки главных дефиниций, имеющих хождение в экономической науке, соответствующих требованиям глобальных экономических процессов, связанных с виртуализацией структуры и состава национальных финансовых систем, интернационализацией денежных потоков. Новейшие информационно-коммуникационные технологии принципиально изменили финансовую отрасль, появились электронные деньги (e-money), различные виды сопутствующих им производных, и прежде всего это коснулось финансов, которые в настоящий момент интерпретируются как мобильные (mobile) или электронные (e-finance).

Появление электронных финансов вместе с другими финансовыми инновациями стирает границы между разными финансовыми институтами, усиливает возможности традиционных финансовых услуг, служит основанием для их расширения и появления новых финансовых и кредитных продуктов. И, как следствие, этого возникла необходимость разработки соответствующей им теории финансов.

Появление специфического вида современных денег (e-money), вытесняющих (заменяющих) их бумажные аналоги, которые по своей природе являются фидуциарными, а в границах национальной экономики одновременно и декретными, является процессом формирования специальных виртуальных фондов денежных средств, что по своей сути не умаляет роли ни электронных финансов, ни электронных денег.

Следующая особенность электронных денег заключается в том, что они уже в гораздо меньшей степени привязаны к их бумажным аналогам, повторив тем самым историческую судьбу прежней жесткой привязки бумажных денег к «золотому якорю». С появлением электронных денег бумажные деньги одновременно оторвались и от «товарного якоря», потеряв связь с товарной массой, в том числе и в форме «якоря услуг». При этом происходит процесс отчуждения, отторжения электронных денег от их собственника.

Бумажные деньги их владелец может хранить в том месте, которое для него считается наиболее удобным, а e-money хранятся только в самом банке, а не в «электронном кошельке» в форме депозитных банковских карт, которые нельзя воспринимать как деньги.

В свою очередь банки за соответствующую плату получают возможность пользоваться привлеченной чужой собственностью. Индивид может управлять своим электронным кошельком, испытывая иллюзию, что он распоряжается своими личными финансами, собственными деньгами, хранит их, определяет направления инвестирования и использования и т.д., совершая платежные

операции в пределах той компетенции, которая установлена договором между ним и кредитной организацией.

Момент истины наступает тогда, когда тот, кто имеет реальный доступ к его виртуальному богатству, теряет контроль над переданной ему на хранение собственностью. Так, по данным Агентства по страхованию вкладов по состоянию на 20 января 2014 г. в Российской Федерации было ликвидировано 194 банка, 126 находятся в стадии ликвидации [1]. Проблема заключается в том, что при заключении депозитного договора депонент передает на хранение свои деньги, и даже если он их внес в традиционной бумажной форме, банк немедленно придает им виртуальный электронный образ и распоряжается ими по своему усмотрению. Если рассмотреть сущность отношений, которые складываются между собственником денег, функционирующих в настоящее время в электронном виде, то само оформление прав собственности на абсолютную ликвидность, может оформляться как в традиционной бумажной форме, так и на электронных носителях.

При этом вступают в силу последствия, когда владелец собственности размещает ее в коммерческий банк, получая при этом запись в электронной системе о внесенных депозитах. Но это автоматически влечет и конклюдентные последствия того факта, что теперь коммерческий банк, приняв ликвидность, получает право пользования и право извлечения дохода от чужой собственности, не отражая данный факт в заключенном с владельцем денежных средств договоре депозита.

Размещая полученные ранее деньги, коммерческие банки уже сами эмитируют в расширенном масштабе ссуды, предоставляя их на основании кредитного договора. Фактически тем самым право пользования от первого депонента переходит за соответствующую плату к иному заемщику. Соотношение полученной и выданной банком ликвидности уже не может быть одного качества.

С появлением электронных денег эмиссионные возможности коммерческих банков возросли многократно, что математически может быть выражено в моделях депозитного, денежного и кредитного мультипликаторов. Создав избыточную виртуальную ликвидность, коммерческие банки получили возможность формировать дополнительные фонды для извлечения дохода. Однако это не абсолютное право пользования собственностью на ликвидность, принадлежащая другому депоненту, а использование ее в тех разумных пределах, чтобы сама собственность не была утрачена и сохранила свою первоначальную сущность. Это означает, что собственность в форме ликвидности должна быть возвращена банком сберегателю также в форме абсолютной ликвидности.

Банк, который принял не столько на хранение, сколько в пользование и распоряжение чужую ликвидность, оставляет за собой право пользоваться ей, ибо последнее способно приносить ему доходы. Депонент также нуждается в доходах, однако он соизмеряет возможные альтернативы размещения с учетом доходности, рисков, надежности и принимает опять же выгодное для себя решение разместить в коммерческом банке эти избыточные резервы.

Для депонента риски возникают уже потому, что как только он разместил свою собственность в коммерческом банке, то он фактически потерял над нею контроль. Так и банк, разместив эту чужую собственность по различным виртуальным фондам, также теряет реальный контроль над этими виртуальными процессами. При этом

чем большее число посредников, тем более ярко выражена сама опасность потери, утраты контроля, а затем и собственности на переданные ликвидные активы.

Находясь в сфере компетенции банков, переданные денежные ресурсы вовлекаются в процессы их распределения и перераспределения уже в мировом масштабе, отражая тем самым процесс интернационализации финансовых систем различных государств.

Применительно к современным реалиям, пользование имуществом в форме современных платежных средств, даже если последние находятся в виртуальной форме, является использованием чужой собственностью кредитными организациями, что предполагает предоставление последним права производить, устанавливать на электронные записи о наличии и принадлежности денежных средств производные права пользования этими электронными средствами. Тем самым происходит извлечение блага от пользования денежными ресурсами на условиях, которые уже не согласовываются с первичным бенефициаром.

Получая благо в форме электронной записи на привлеченные депозиты, кредитная организация приобретает право распоряжаться ими материально и юридически. Тем самым право собственности бенефициара, открытого депозит, например, в коммерческом банке, не может быть признано абсолютным и исключительным, так как оно фактически подверглось раздроблению всеобщего или тотального права собственности на денежные ресурсы.

Депозитный договор на право пользования и целью извлечения блага, подписанный между кредитной организацией и депонентом, строится на фидуции, какие бы гарантии не выдавал при этом сам банк или иная кредитная организация. Извлечение процента этими организациями следует признать реальным продуктом, появившимся из права собственности депонента. Здесь следует признать правомерность модели разделения отношений права вообще.

Продуктом этого разделения можно считать право, которое комплементарно присутствует при этом, – право распоряжения вверенной кредитной организации собственности на денежные ресурсы. Банк, принимая на хранение денежные ресурсы, приобретает таким образом комплементарно право пользования ими, извлекая благо примерно тем же образом, каким оно может быть реально обеспечено самим депонентом, обеспечивая по депозитному договору сохранность депозита и выплату соответствующего дохода.

Этот процесс изменяющейся материальной формы современных денег, называемый «дестафация», позволил принципиально изменить саму форму реализации финансами своей сущностной природы.

Финансы, как известно, являются формой распределения денежных средств в соответствии с определенными их распорядителем целями, придавая им направленный характер формирования соответствующих фондов денежных средств. Так как эта собственность является собственностью на право пользования в будущем реальными благами, когда сформированные ранее целевые фонды денежных средств в виде записей на счетах в компьютерных сетях финансовых контрагентов могут трансформироваться в материальные товары или услуги, то распределительная функция финансов объективно нуждается в функции контроля.

Эти функции финансов, объектом которых являются электронные деньги, являются и родовыми функциями. Поэтому финансовые отношения являются по своей сущностной природе денежными отношениями, независимо от того, представлены ли денежные ресурсы в форме золотых или серебряных монет (когда имели хождение действительные деньги), либо это были уже фидуциарные, декретные деньги.

Следовательно, мы не видим оснований присваивать какие-то новые термины современным видам денег или финансов, которые отражали бы новую сущностную природу.

Если мы не желаем без необходимости плодить очередное «терминологическое столпотворение» (по Дж. М. Кейнсу), то надо отдавать себе отчет в том, что в процессе своей виртуализации финансы сохранили свою родовую сущность, хотя и изменили форму поряжения денежными ресурсами. Вследствие этого привычные категории и инструменты экономической науки стали активно сопровождать все финансовые процессы производства товаров и оказания услуг, но уже в иной – электронной форме: электронная коммерция (торговля) (e-commerce), электронные банковские, брокерские, страховые услуги и т.д.

Вместе с тем, большинство процессов, связанных с виртуальными экономическими отношениями, в основном ассоциируются с электронной коммерцией или мобильными платежами – механизмом осуществления электронных платежных услуг, а не с электронными финансами, пока представляющими собой формирующееся, малоисследованное направление экономической науки. В розничных платежных операциях используется обширный спектр и традиционных, и новых форм и механизмов денежных расчетов. Эта сфера пока изучена менее полно и обстоятельно по сравнению с системой оптовых платежей, начиная с вопроса, связанного с границами и особенностями розничных платежей, и завершая оценкой роли инновационных инструментов проведения безналичных денежных переводов [4].

В какой-то степени это объяснимо расширяющимися потребностями межнациональных рынков товаров и услуг, возросшими возможностями информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют проводить различные финансовые операции, независимо от государственной, территориальной и иной принадлежности, и направлять денежные потоки в различные сферы национальных экономик. В целом, это привело к тому, что при отсутствии необходимого теоретического обоснования и объяснения виртуализации экономических отношений, практика опередила теорию, на что указывают различные ученые. По мнению Бриггема Ю. и Галенски Л., в ряде случаев теоретические подходы упрощают ситуацию, ибо отталкиваются от предпосылок, не адекватных действительности, поэтому предписываемые ею правила нельзя признать приемлемыми. Когда же теория не соответствует практике, следует модифицировать теорию, приводя ее в соответствие практике, или же отказаться от нее в пользу иной, более современной теории [3, с. 1-2].

В свою очередь Березкин Ю. подчеркивает, что указанное упрощение обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Первое – «размывание» самого теоретического знания, возникающее в подобной ситуации. В эти периоды финансовая теория либо во-

обще теряет связь с реальной финансовой практикой, переставая ее адекватно отражать, либо становится неработоспособной в силу эклектического смешения разнотипных теоретических положений. Второе обстоятельство – появление эффектов неуправляемости финансов, всегда сопровождаемое демонтажем (разрушением) «старых» финансовых институтов при неразвитости и медленном становлении «новых» [2].

Следовательно, необходимо определиться с теорией, так как она должна предшествовать практике, хотя бывают случаи, когда практика опережает теорию, вынуждая ее подстраиваться под уже готовые результаты. С другой стороны, это не случайность, а закономерность современного развития общества – теория подтверждает практику, находит и предлагает научные обоснования появляющихся новаций в финансовых инструментах и т.д. Наука, как комплекс различных гипотез, знаний, в первую очередь должна быть направлена на создание и предложение теорий и их моделей, из которых выводятся следствия, сопоставляемые с наблюдаемыми фактами.

В продолжающейся дискуссии о том, что первично – деньги или финансы, – казалось бы, можно уже поставить точку, ибо при все более активном использовании информационно-коммуникационных технологий в жизни современного общества и деньги, и финансы становятся все более виртуальными, подменяя друг друга, и в рамках виртуальных экономических отношений они стали выступать как единое целое.

Вместе с тем с практической точки зрения наблюдается следующее противоречие. Ранее постулировалось, что деньги – это инструмент обмена, а финансы в свою очередь – инструмент обмена деньгами и их суррогатами, которые приводят к созданию фондов денежных средств и с возникновением виртуальных экономических отношений исчезает якобы разница между деньгами и финансами.

Однако отождествление денег и финансов в научном плане не является корректным, потому что в результате эти два термина станут отражать природу одного и того же явления.

Скорее всего, природу электронных финансов следует понимать в том, что это модус финансов вообще, как родового понятия. Другими словами, если электронные финансы являются специфическим отличием от финансов вообще как родового понятия, так и электронные деньги являются спецификой денег как *genus proximum* (лат. «ближайший род»).

В настоящее время деньги потеряли свою связь с рынком реального сектора, не говоря уже о рынке золота, которое превратилось в товар. При этом потеряло свою значимость и актуальность замечание К. Маркса о противопоставлении золота товарной черни, ибо сегодня в мировых масштабах создаются денежные пузыри таких размеров и объемов, что это не идет ни в какое сравнение с товарной массой.

Объем бесконтрольно перемещаемой денежной массы через мировые финансовые рынки ежедневно достигает десятков триллионов долларов США. Д. Сорос констатирует ставшие банальными моменты в познании, что наше понимание мира несовершенно, ибо мы сами находимся в том мире, который желаем познать. Этот тезис для нас играет более важную роль, поэтому в дальнейшем мы будем ее развивать, опираясь на прежние, в том числе и наши, исследова-

ния и публикации. Проблема даже не том, что наше знание несовершенно, а в том, что люди познают мир, преодолевая этот недостаток. Эту функцию познания Д. Сорос связал с когнитивной функцией, которая проявляется в том, что люди действуют, стремятся повлиять на ситуацию и изменить ее в свою пользу. Сущность этой функции сводится к манипуляции, или манипулятивной функции [9, с. 28].

Но вот тут как раз и важно понимать разницу между денежными и финансовыми ресурсами, их собственником, владельцем и распорядителем. Наличие денежных ресурсов не означает, что их владелец является их собственником и может ими распоряжаться по своему рассмотрению, без согласования с другими юридическими и физическими лицами.

А вот наличие финансовых ресурсов – денег, свободных от обязательств, подразумевает, что это тот ресурс, которым их владелец может распоряжаться самостоятельно. И в этом случае наличие соответствующего объема финансовых ресурсов позволяет их собственнику участвовать в различных операциях посредством использования ИТ-технологий, обуславливающих перемещение денежных средств, не связанных с потоками производимой и произведенной продукции.

Наличие доступа к информационно-коммуникационным технологиям позволяет минимизировать транзакционные издержки, участвовать в различных торговых операциях не только интегрированным бизнес-структурам, но также малому и среднему бизнесу, что объясняет дисконтность электронных платежей для получателя услуг или товаров. В какой-то степени это вполне объяснимо – собственник денежных (финансовых) ресурсов в процессе их практического использования не придает значения тому, как называется используемое им платежное средство – деньги это или финансы.

Некоторые авторы утверждают, что применение мобильных платежей потребует принятия термина «абстрактные деньги». Информацию об их функционировании можно будет получить лишь посредством мобильного телефона. Пользователи будут испытывать дефицит физического контакта с деньгами, и им, возможно, придется заново учиться управлять личными финансами. С целью обеспечения защиты прав потребителей в рамках новых, непривычных для рыночных акторов, услуг, возможно, потребуется вмешательство государства [7].

Продолжающаяся дискуссия среди представителей различных научных школ о содержании и сущности денег и финансов, взаимосвязи и «слиянии» их функций, в условиях виртуализации экономических отношений, приводит к серьезным проблемам в практической деятельности. Виртуальность финансов может быть угрозой для государства как территориальной экономической целостности, ибо сегодня денежные ресурсы не имеют национальной принадлежности, и их собственники, самостоятельно выбирая удобную для них юрисдикцию, будут перемещаться в те страны, которые предоставляют им наибольший благоприятный режим для размещения капитала, прежде всего с позиций налогообложения.

Глобальные финансовые игроки, активно участвуя в операциях на финансовых рынках, созданных мировым сообществом, формируют специальные фонды денежных средств в их современной электронной виртуальной форме, перераспределяя аккумулярованные ресур-

сы между национальными экономиками. Например, это допускает возможность использования денежных ресурсов, привлеченных из национальной экономики Российской Федерации, для финансирования террористической деятельности не только в РФ, но и за ее пределами.

Виртуализация экономических отношений приводит к тому, что существующие ограничительные барьеры (таможенное, налоговое, тарифное и иное регулирование) не могут решить вопросы конкуренции между разными странами, как промышленно развитыми, так и развивающимися, ни на рынке труда, ни на рынке капитала. В результате этого меняются классические представления о взаимосвязи и взаимозависимости государства, населения и ресурсов, находящихся на его территории, собственников капитала, участвующих во внутренних и внешних финансовых отношениях.

В этом случае глобализация экономических отношений представляет собой основную угрозу национальной безопасности, потому что не управляемые национальными правительствами транснациональные финансово-кредитные институты фактически подрывают национальные суверенитеты.

Если бумажные деньги какой-либо страны, являясь знаками стоимости, начинают восприниматься мировым экономическим сообществом в качестве международных платежных средств, как средство сохранения ценности, национального богатства, то естественна и логически понятна ситуация, когда государства-участники экономических отношений, воспринимают на веру этот очередной симулякр в качестве действительных ценностей.

Эмиссия центральными банками своей валюты, на которую другие государства обнаруживают спрос как на резервы, становится весьма прибыльным национальным бизнесом. Электронные деньги предельно упрощают и удешевляют этот процесс, что делает этот бизнес еще более прибыльным, но и одновременно сомнительным. И так как все бумажные деньги, а электронные деньги тем более потеряли, утратили связь с реальными ценностями, выполняющих функции покрытия этих страховых резервов в виде банкнот, то функция мнимого покрытия начинает переходить к фиктивным ценностям различного рода, как-то: долговым ценным бумагам, эмитированным на основании других долговых ценных бумаг.

Однако следует помнить, что долговые бумаги являются сущностным признаком финансовых отношений. Если первые долговые ценные бумаги, эмитированные на основе реальных товарных ценностей, можно было рассматривать как процесс первичной секьюритизации, то в настоящее время в качестве покрытия последующих эмиссий банкнот стали эмитироваться производные долговые ценные бумаги.

Поэтому далеко не случайно процесс формирования кредитного пузыря (*credit bubble*) в 2007-2008 гг., был обусловлен громадным ростом мировой или глобальной ликвидности, который эксперты охарактеризовали как первый кризис секьюритизации. Его источники следует видеть в злоупотреблении монетарных властей государств, эмитировавших свои национальные валюты для удовлетворения спроса мирового экономического сообщества. Эти власти преследуют свои узко национальные интересы, реализуя при этом элементы оппортунистического поведения, используя недальновидную

и теоретически не выверенную финансово-кредитную национальную политику других членов единого мирового экономического сообщества.

Так, прошел практически незамеченным тот факт, что коммерческие банки, которые прежде были основными финансово-кредитными посредниками, стали постепенно уступать свое лидерство посредникам на финансовых рынках. Основные участники финансовых рынков утратили прозрачность финансовых операций в результате неконтролируемых манипуляций с финансовыми инструментами, когда последние, придавая видимость операциям с реальными ценностями, стали самовоспроизводиться в неизвестных объемах и разновидностях.

Реструктуризация, объединение, дробление долга, выпуск новых синтетических финансовых инструментов внешне создавало эффект страхования рисков. Однако в основе всей этой мировой финансово-кредитной пирамиды остались непокрытые в конечном счете первичные финансовые активы, либо ничтожно малая доля покрытия реальными ценностями, например, залог недвижимости, в частности, – ипотека.

В итоге в эпоху глобализации финансовых рынков эта национальная по происхождению задолженность действительно трансформировалась в глобальную финансово-кредитную задолженность. Попытки установить некие пределы, смоделировать процессы нарастания глобальной задолженности и риски неизбежно наталкивались на непреодолимые препятствия. Связь этих финансовых инструментов могла осуществляться только посредством мирового платежного средства, в котором была выражена эта задолженность, давно утратившая связь с миром реальных ценностей.

Отдельной проблемой изучения в рамках электронной финансовой индустрии является налогообложение. Использование информационно-коммуникационных технологий позволяет хозяйствующим субъектам осуществлять различные бизнес-процессы, не привязываясь к «налоговому резидентству или территориальности», что в конечном итоге способствует нарушению действующего законодательства и уклонению от уплаты налогов.

Следует согласиться с мнением ученых, указывающих, что применение инструментария налогового регулирования электронной коммерческой деятельности ограничивается рядом обстоятельств.

- Во-первых, дискуссионным характером правомерности распространения государственного суверенитета на виртуальное пространство, а также спецификой правового регулирования налогообложения коммерческой деятельности в электронно-цифровой сети Internet.
- Во-вторых, трудностями при выработке единообразного понятийного аппарата в сфере электронной коммерции, что осложняет идентификацию для целей налогообложения и, соответственно, регулирования, как самой электронной коммерческой деятельности, так и ее участников [4].

Инерционность существующего законодательства и отсутствие необходимых инструментов не позволяют в полном объеме учитывать специфику и объемы электронной коммерции, приводит к неполучению значительных объемов обязательных платежей в соответствующие бюджеты и фонды.

Кроме того, много спорных вопросов в электронных коммерческих операциях возникает при определении субъекта и объекта налогообложения. Еще одним вопросом, требующим в первую очередь практического решения в электронной коммерции, является размывание, а

зачастую и объединение таких понятий, как «деньги», «финансы», «платеж», «кредит», что требует регулирования данной деятельности со стороны государства посредством введения соответствующих нормативных актов, оперативно отражающих происходящие изменения.

В практической деятельности электронные финансы в основном ассоциируются с электронными деньгами посредством использования электронных платежных систем, перечень которых весьма разнообразен – WebMoney Transfer, Яндекс.Деньги, PayCash, Stormpay, PayPal, Moneybookers и т.д.

Виртуальные экономические отношения привели к появлению электронных денег, которые в свою очередь явились основой для создания криптовалют (цифровых валют), отличающихся при внешнем сходстве от электронных денег отсутствием регулирующего центрального органа-эмитента, наличием пиринговой (P2P) архитектуры, созданных по типу Bitcoin, – Fairbrix, GeistGeld, Ixcoin, iUcoin, Litecoin, Namecoin, Novacoin, PPCoin, Primecoin, Rucoin, SolidCoin, Tenebrix, Terracoin и т.д. Общая капитализация 100 криптовалют сегодня превышает 9,2 млрд. долларов, из них Bitcoin – более 7 млрд. [11].

Все платежи в криптовалютной системе бескомиссионны, полностью анонимны и никем и никак не контролируются. Производные от Bitcoin валюты продаются с дисконтом к нему; все они базируются на принципе децентрализованности и отличаются друг от друга, как правило, криптографическим алгоритмом, положенным в основу их эмиссии. Однако при этом существует опасность проведения анонимных транзакций, при которых правоохранительным органам очень трудно идентифицировать их легальность, что представляет сложность для сдерживания незаконной предпринимательской и иной деятельности. Понимая всю опасность распространения подобных платежных средств, Китай запретил хождение подобных знаков, что фактически означает уход из реальности этой псевдо-валюты.

Активное использование и развитие электронной коммерции привело к появлению новых форм незаконных и криминальных операций (махинации с банковскими картами, несанкционированный доступ посторонних лиц к счетам клиентов и т.д.), в результате этого различные финансово-кредитные учреждения, провайдеры, страховщики, хозяйствующие субъекты и частные лица, сталкиваются с проблемой поддержания высокого уровня информационной безопасности своих клиентов.

В силу ряда причин РФ позже подключилась к услугам электронной коммерции. Здесь в правовом, и в экономическом пространстве существуют определенные проблемы. В РФ электронная коммерция регулируется Законами «О противодействии легализации (отмыванию) доходов» №115-ФЗ и «О национальной платежной системе» №161-ФЗ.

На международном уровне торговые отношения регламентируются ст. 7 Типового закона об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли, в котором термин «торговля» трактуется достаточно широко, охватывая многие вопросы, вытекающие из всех отношений торгового характера, как договорных, так и недоговорных. В свою очередь Бюро цензов Министерства торговли США относит к сфере электронной торговли (e-commerce) любую сделку, совершенную с помощью компьютерной сети, предполагающей передачу права

собственности или права на использование товара или услуги. При этом соглашение в электронной форме, а не платеж является ключевым конституирующим признаком сделки в сфере электронной торговли.

По мнению аналитиков Data Insight, объем розничной электронной торговли в 2012 г. в РФ достиг 405 млрд. руб. (13 млрд. долл. США). За год рост составил 27%. Из этой суммы на материальные товары пришлось только 280 млрд. руб. Остальные продажи составляют билеты и цифровые товары. Сюда не включены онлайн-закупки для корпоративных нужд, С2С-продажи и коллективные закупки, MLM-дистрибуция, купоны, продажи через офлайн-терминалы, продажи по каталогам и трансграничные продажи. Аналитики полагают, что в РФ есть 22 млн. интернет-покупателей. За 2012 г. их число выросло на 30%. Т.е. на рынке появилось около 5 млн. новых покупателей. По оценкам Data Insight, в 2012 г. граждане РФ приобрели за границей товаров на 45 млрд. руб., это составило 16% от всего объема интернет-продаж. Это 2 млн. покупателей [12].

Оборот рынка электронных платежных систем в 2012 г. J'son & Partners (консалтинговое агентство) оценило в 1 811 млрд. руб. Столько средств пропустили через себя два основных сегмента: дистанционных финансовых сервисов и терминалов, как банковских, так и небанковских. Рост оборота этого рынка по сравнению с 2011 г., по данным аналитиков агентства, составил 24%, а к 2017 г. они прогнозируют его удвоение (до 3 740 млрд. руб.). Хотя регулятор ужесточает требования, предъявляемые к бизнесу терминальных сетей, удельный вес этого сегмента в структуре рынка электронных платежных систем (ЭПС) выше, хотя и незначительно, чем доля сегмента дистанционных финансовых сервисов (51% против 49%). Тенденция к снижению маржинальности терминального бизнеса в полной мере даст о себе знать в 2017 г., когда доля сегмента в обороте рынка ЭПС упадет до 30%. Оборот сегмента дистанционных финансовых услуг в 2012 г. составил 896 млрд. руб., показав по отношению к 2011 г. рост на 48%. В свою очередь в структуре этого сегмента выделяются подсегменты банковских сервисов (интернет-банкинга) с долей 66%, небанковских сервисов (интернет-денег) – 31% и мобильных сервисов – 3% [6].

Развитие мобильных платежей порождает тенденцию (пока лишь тенденцию!) к банковской дезинтермедии. Внедрение электронных денег приводит к тенденции сокращения роли банков, заявляя об угрозе полного исчезновения этого рыночного института, который теряет гибкость и динамику, потому что новые участники рынка мобильных платежей предлагают инновационные услуги, масштабы распространения которой традиционный банковский сектор пока не считает достойной внимания. В западной практике такие инновации носят название подрывных. Для банковской системы характерен второй тип подрывных инноваций, предполагающий выход услуги (товара) на новый рынок, на котором аналогов этого продукта вообще не существует, а потому существует возможность получения высокой прибыли [8, с. 268].

Кроме того, использование принципиально новых информационно-коммуникационных технологий в сфере мобильных платежей также начинает конкурировать с традиционными банковскими услугами, потому что пользователи (потребители услуг) смартфонов, привыкают к тому, что его можно использовать для со-

вершения различных финансовых операций по переводу денег, покупке товара или оплате других услуг.

Для банков основную конкуренцию составляют новые участники рынка электронных платежей – агрегаторы финансовых или платежных услуг, способные быстро адаптировать новые информационно-коммуникационные технологии к условиям рынка электронной коммерции.

Как видим, современная электронная финансовая система приобретает ряд специфических черт, сохраняя в основном прежнюю основную функцию. Последняя должна обеспечивать потребности всей совокупности экономических агентов, включая потребности первичные (пища, жилье, услуги жизнедеятельности и т.д.), потребности хозяйствующих субъектов, органов публичной власти, а также наднациональных и иных международных институтов, которые создаются мировым социально-экономическим сообществом для соблюдения как национальных, так и наднациональных интересов.

В конечном итоге с дальнейшим развитием общества, появлением новых видов экономических отношений, трансформирующихся под воздействием глобализации, «физическая сила» денег будет и далее подрываться государствами, развитие национальных экономик которых зависит от глобальных экономических кризисов, уничтожающих излишнюю денежную массу, которую невозможно тезаврировать, как это было когда-то с золотом.

Расширение и дальнейшее развитие виртуальных экономических отношений диктует необходимость создания межнациональных, межгосударственных организаций, направленных на разрешение проблемы инфогеофинансов, правовому регулированию рынка мобильных финансов, разработке единых правил, способствующих консолидации национальных экономик.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что финансы, как научная категория экономической науки, находятся в процессе эволюционных изменений, которые проецируются на другие научные категории и на практике распространяются на широкий спектр финансовых инструментов, используемых органами публичной власти, хозяйствующими субъектами и населением.

Литература

1. Агентство по страхованию вкладов [Электронный ресурс] : официальный сайт. Режим доступа: <http://asv.org.ru/liquidation>.
2. Березкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов [Текст] / Ю.М. Березкин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 248 с.
3. Бриггем Ю. Финансовый менеджмент : полный курс [Текст] : в 2-х т. / Ю. Бриггем, Л. Гапенски ; пер. с англ. ; под ред. В.В. Ковалева. – СПб. : Экономическая школа, 1997. Т. 1. – 497 с.
4. Инновационное развитие экономики, бизнеса, торговли [Текст] / под ред. Ю.Н. Клещевского, И.А. Кудряшовой ; Кемеровский ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «РГТЭУ». – Кемерово : Сибирская издательская группа, 2012. – 501 с.
5. Кочетов Э.А. Российская школа глобалистики и ее геоэкономический отдел – выход на новые горизонты (мир с позиции человека нового, глобального – геоэкономического) [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=544230> (дата обращения: 20.02.2014).
6. Крылова А. «Кооперенция» вокруг электронных денег [Электронный ресурс] / А. Крылова. URL: <http://www.iksmedia.ru/issue/2013/5/4926312.html>.
7. Лейнонен Х. и др. Мобильные платежи: что нового, а что из хорошо забытого старого? [Текст] / Х. Лейнонен, А.С. Обаева, П.В. Сумбулов // Деньги и кредит. – 2012. – №3. – С. 39-48.

8. Рожков Ю. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации [Текст] / Ю. Рожков, И. Черная // Безопасность Евразии. – 2012. – №2. – С. 263-272.
9. Сорос Д. Новая парадигма финансовых рынков [Текст] / пер. с англ. К. Вагнера. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 272 с.
10. Уоскин В.М. Розничные платежи в современной экономике [Текст] / В.М. Уоскин // Деньги и кредит. – 2013. – №7. – С. 10-18.
11. Crypto-currency market capitalizations. URL: <http://coinmarketcap.com>.
12. Data Insight. URL: <http://coinmarketcap.com>.

Ключевые слова

Электронные деньги; электронные финансы; электронная коммерция; виртуальные экономические отношения; электронные платежные системы.

Глухов Владимир Владимирович

Останин Владимир Анатольевич

Рожков Юрий Владимирович

РЕЦЕНЗИЯ

Состояние финансов находится в тесной зависимости от степени виртуализации денежной сферы. Виртуальные деньги и виртуальные финансы сегодня доминируют в экономической сфере. Авторы статьи аккуратны в своих выводах. Они не говорят, о том, что виртуализация денег и финансов есть абсолютное благо. Они показывают, что введение в оборот электронных денежных средств приводит к серьезным негативным последствиям, особенно в сфере международных финансов. Авторы правы, когда утверждают о необходимости введения международных институтов, регулирующих глобальные виртуальные денежные отношения. Ими показана эволюция понятия «финансы». Раскрыты взаимоотношения электронных денег и электронных финансов. Даны проблемы развития электронной коммерции и электронных расчетов.

Интересны рассуждения авторов о банковской дезинтермедиации. Появление электронных финансов стирает границы между различными финансовыми институтами, усиливает возможности традиционных финансовых услуг. Поэтому возникла потребность разработки соответствующей им теории финансов.

Появление специфического вида современных денег (e-money), вытесняющих (заменяющих) их бумажные аналоги, которые по своей природе являются фидуциарными, а в границах национальной экономики одновременно и декретными, является процессом формирования специальных виртуальных фондов денежных средств, что по своей сути не умаляет роли ни электронных финансов, ни электронных денег.

Статья рекомендуется к печати.

Литовченко В.В., д.э.н. проф., декан факультета экономики и менеджмента Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

[Перейти на Главное МЕНЮ](#)
[Вернуться к СОДЕРЖАНИЮ](#)